

Максим Вайнберг

Капля

12+

Максим Вайнберг

Капля

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Вайнберг М.

Капля / М. Вайнберг — «ЛитРес: Самиздат», 2021

Может ли крыса стать анестезиологом, а собака — посредником между мирами? Как победить тьму, лежащую за пределами синей полосы? На каком языке мы говорим со своими соседями? И станет ли Капля последней или первой — той, что точит камень?

Максим Вайнберг

Капля

1.

- Тюльпан, я – Бутон, Тюльпан, я – Бутон, прием!
- Бутон, я – Тюльпан, как слышите меня, прием!
- Тюльпан, слышу вас хорошо, приближаемся к грядке, прием!
- Бутон, вас понял, ждем урожай, отбой.
- Вас понял, отбой.

МАЗ-200 медленно полз по серой степи, звенящей от зноя. Тучи пыли, поднятые широкими колесами грузовика, висели в раскаленном воздухе, как хвост тающей кометы. Через десять минут машина поравнялась с металлическим цилиндром, который при падении пропал в грунте заметную борозду. Жухлая трава удивленно топорщилась по краям разреза, обнажив иссохшие корни.

Обе двери кабины открылись разом, но гладко выбритый человек в белом халате оказался проворнее всех и первым подбежал к спутнику. Это был Матвей Богданов, главный ветеринар проекта. Пытаясь протереть ладонью закопченное стекло люка, он зашипел и, чертыхаясь, отдернул пальцы второй руки от раскалившейся под солнцем обшивки.

– Вот зараза!

– Ну, что же Вы спешите, Матвей Петрович! – с отцовским отчаяньем воскликнул усатый майор, который с проворством, несвойственным человеку такого плотного сложения, бегом приближался к молодому ученому.

– Да бросьте, Иван Андреич, лучше помогите открыть.

Через пару минут люк размером с альбом был распахнут настежь. Но ничего не происходило, и тягостное молчание нарушалось лишь изредка трескучими прыжками редкой саранчи.

– Что такое? Неужели опять? Ну, что за чертовщина-то! – голос Богданова, до половины скрывшегося в люке, звучал глухо, как из бочки. – Тут нет никого! Вообще! Никаких следов!

Матвей вылез из люка, обеими руками вцепился в челку, спадающую на лоб, и нервным движением зачесал ее назад. Затем он развернулся, и яростно размахивая руками и качая головой, быстрыми шагами описал полукруг, снова вернувшись в ту же точку.

– Я не понимаю! Я ни-че-го не понимаю! Где моя собака? Где Капля?!

Поджав губы так, что круглый нос смешно приподнялся над усами, Иван Андреевич Романенко, начальник караула, шумно и горестно вздохнул и мятым клетчатым платком промокнул лоб под сдвинутой на затылок фуражкой. Он с искренним сочувствием посмотрел на Богданова, затем повернулся к грузовику и махнул рукой солдатам, переминавшимся с ноги на ногу в узкой полоске тени от грузовика.

– Давай лебедку!

Все сразу пришло в движение, резкие выкрики «давай!», «цепляй», «да не тяни ты!» отрывались от облака пыли, как протуберанцы от Солнца; но вся эта суета, как скучное кино, проходила мимо ветеринара, который сидел в кабине грузовика, подперев щеку кулаком, и невидящим взглядом смотрел на тонкую линию горизонта, мерцающую от жары.

***

Через двадцать минут о случившемся напоминала только подсыхшая борозда. Спутник был надежно закреплен в кузове грузовика, и солдаты с заметным облегчением один за другим скрывались от палящего солнца под брезентовым тентом.

Богданов сидел на подножке грузовика, лениво перекладывая сухую травинку из угла в угол рта. Романенко подошел к кабине и изучающе посмотрел на ветеринара. Матвей поднял глаза и слегка кивнул головой, приветствуя майора.

– Ну, что, докладываю, Матвей Петрович?

– Докладывайте, Иван Андреич. Перед смертью не надышишься.

Он усмехнулся и встал с подножки, пропуская военного в кабину. Романенко взялся за поручень, подтянулся и тяжело опустился на сиденье. Пошевелив губами, будто в молитве, майор сжал в руке увесистый кирпич рации.

– Тюльпан, я – Бутон, Тюльпан, я – Бутон, прием!

– Бутон, я – Тюльпан, как слышите меня, прием!

– Тюльпан, слышу вас хорошо, билет без выигрыша, прием!

Треск. Шипение. Треск.

– Бутон, вас понял, ждем к ужину, отбой.

– Вас понял, отбой.

Романенко с досадой на лице вернул рацию на место. Он повернул голову и встретился с Богдановым глазами.

– Ну, что ж, залезайте, пора ехать, Матвей Петрович.

Богданов забрался в кабину и с грохотом захлопнул дверь, распугав с десятков задремавших кузнечиков и мух. Двигатель заурчал, машина вздрогнула и, кроша в пыль слежавшиеся комья земли, по широкой дуге вернулась к своим следам.

2.

«Лопнет или нет?» – рассеянно думал Матвей Петрович, глядя, как все больше багровеет и без того красное лицо второго секретаря обкома партии товарища Семенова А. И., который только что вызвал Богданова и Романенко для срочного доклада.

– Вы совсем с ума посходили?! Я что сейчас должен сообщить в Москву? Что значит – спутник пустой? Скажите еще – Бог наказал за попытку пробить небесную твердь! Вы месяц назад макаку потеряли, а теперь и лайка исчезла?! Черт знает что!

– Шимпанзе, Аркадий Ильич, – машинально поправил чиновника ветеринар.

Семенов поперхнулся на полуслове и, не веря своим ушам, медленно перевел выпученные от ярости глаза на Богданова.

– Вы совсем обнаглели тут?! – проревел он. – Сейчас отправлю вас туда, куда Макар телят не гонял, будете у меня на свои звезды вот отсюда вот смотреть!

Говоря это, Семенов красноречиво сложил пальцы рук в узнаваемую решетку и потряс ими перед лицом, зыркнув на докладчиков бешеными глазами.

– Вон пошли отсюда, и чтобы через час у меня на столе рапорт был! Ученые, вашу мать! Алхимики средневековые!

Обессилев, он упал в кожаное кресло, схватил со стола первую попавшуюся папку и грохнул ею о край столешницы с такой силой, что массивная скрепка, покорно державшая до того толстую пачку бумаг, с легким звоном отделилась от места несения службы и стремительно, как пуля, понеслась в сторону докладчиков. Сухо щелкнув по пачке папирос, лежавшей в левом кармане форменных брюк Романенко, скрепка отскочила под стол Семенова, жалобно звякнула и затихла навсегда. Романенко щелкнул каблуками:

– Разрешите идти, Аркадий Ильич?

Вместо ответа Семенов раздраженно выпятил нижнюю челюсть, дернул головой и уставился в окно, сопя и барабанив пальцами по столу.

***

Закрыв дверь кабинета Семенова, Романенко беззвучно выругался, прошел несколько шагов по коридору и обернулся к Богданову.

– Ну, что делать-то будем, Матвей Петрович?

– Ну, а что тут делать? – ответил Богданов с надрывом. – Сейчас рапорт сяду писать, ну, а потом... Да черт его знает, Иван Андреич! Расчеты проверять? Да в этом ли дело!..

Майор коротко сжал плечо Богданова:

– Сил Вам, Матвей Петрович. До скорого.

– Бывайте, Иван Андреич. Вы тут ни при чем, и то хлеб...

Коротко кивнув, Романенко быстро пошел к лестнице, и спустя минуту эхо от его каблучков раздалось где-то далеко внизу. Богданов медленно спустился на один пролет и остановился у эркера на площадке, задумчиво разглядывая измученный зноем обкомовский парк.

«Что же случилось?.. Так... Все было нормально, аппаратура не показала никаких отклонений... Так... Четвертый виток, да-да, точно!.. Что-то случилось именно тут... Вот! Вспомнил! Капля лаяла! Но на кого? Почему? А потом – тишина... Но ведь капсула не повреждена... Не могла же собака просто испариться? А Джек? И мыши? Три месяца назад, и при тех же обстоятельствах... Нет, я не понимаю...».

Матвей почувствовал, как у него сдавило горло, отвернулся от окна, быстро сбегал вниз по лестнице и вышел на гранитное крыльцо. Романенко уже уехал, и на площади перед обкомом не было ни одной машины. Богданов вернулся в прохладную приемную Семенова, кивнул секретарю и попросил лист бумаги и перо. Присев на дальний край стола для совещаний, он начал писать рапорт мелкими аккуратными буквами.

3.

Она открыла глаза. Все было нереальным, нерезким. Постепенно смутные колышущиеся силуэты сложились в подобие человека. Нет, не подобие – это и был человек, который наклонился над ней, внимательно наблюдая. Заметив движение ее век, человек улыбнулся и сказал:

– Ну, вот и очнулась, малышка!

«Я – не Малышка, я – Капля», – подумала она, и вдруг ее челюсти судорожно разжались, выпуская наружу чужой, незнакомый голос, который произнес:

– Я – не Малышка, я – Капля!

«Что? Это что – я? Это я говорю? Это мой голос? Что происходит? Где я? Кто это?» – она почувствовала, как паника начинает охватывать ее, сметая остатки забытья. Она забилась, пытаясь встать на лапы, но поняла, что ее не жестко, но настойчиво удерживают несколько ремней. Ее сердце уже готово было выпрыгнуть из груди, когда она услышала еще один голос. Он был человеческим, но как-то не до конца – она не смогла бы объяснить, что именно навело ее на эту мысль. Голос насмешливо сказал:

– А девочка-то у нас все буквально воспринимает. Так она нам, пожалуй, всю миссию провалит.

– Да погоди ты, Джек, – с улыбкой возразил человек, – дай ей время. Вспомни себя: ты меня вообще пытался укусить!

– Ну, кто старое помянет...

– Ладно, ладно! – человек расхохотался. – Дай мне шприц, ей нужно еще немного поспать.

«Что они собираются со мной делать?», – Капля начала злиться и попыталась вырваться, но что-то с легким шипением толкнуло ее под лопатку, и она обмякла, поддавшись непреодолимому теплу, охватившему все тело.

***

Она не знала, сколько спала. На всякий случай Капля решила пока не открывать глаза. Первое, что она поняла – она жива и нюх вернулся. Собака осторожно втянула носом воздух. Запахи показались ей знакомыми, почти домашними, что уже было странно. Человека, сделавшего ей укол, она точно не знала. Может, новенький? Но этот запах – так пахла клетка Джека, шимпанзе, которого Хозяин тоже часто уносил в ту комнату, где проходили тренировки. Она это знала, так как иногда, несмотря на запах хлорки, все-таки улавливала этот ни с чем не сравнимый оттенок. Потом Джек исчез. Потом она стала тренироваться почти каждый день.

Вдруг Капля *поняла*, что все то, что сейчас пронеслось в ее голове, она не просто *ощущала* или *знала* – она *думала* об этом, она *размышляла* об этом. Новое чувство взволновало ее.

«Я думаю, я говорю, и я делаю это так, будто делала это всегда. Что происходит? Где я? Здесь много места. Значит, я уже не в этой тесной и темной камере, в которую меня посадил Хозяин. Где он? Джек тоже здесь? Могу ли я спросить об этом нового человека? Наверное, мне пора проснуться. Надеюсь, на этот раз они обойдутся без укола».

Капля открыла глаза. Она увидела свои вытянутые передние лапы. Подняв голову, лайка посмотрела на задние лапы, потом на хвост, попробовала пошевелить им. Пушистое кольцо послушно качнулось вверх и вниз. Зрение было четким. Очень хотелось есть.

Она лежала на низкой кушетке с тонким матрасом, ремней не было. Свободна. Капля подобрала под себя лапы и попыталась встать. Получилось. Хорошо. Прекрасно. У стола с какими-то пробирками («Пробирки? Откуда я знаю это слово?») стоял простой деревянный стул, на котором сидел Джек. Да, теперь она была уверена в этом. Прямо на столе, напротив Джека, сидела большая белая крыса. Услышав шорох, оба обернулись и посмотрели на Каплю. Лайка непроизвольно напрягла мышцы и слегка наклонила голову.

– А, ты проснулась! – сказала крыса. – Ну, наконец-то! Джек, – тут крыса снова повернулась к шимпанзе, – зови Напури. И давайте ужинать уже.

– Сейчас. – он посмотрел на Каплю. – Я – Джек.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.